

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В «ЖИЗНЕОПИСАНИИ ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО»

Сердюк Богдан Владимирович,

Республиканский институт высшей школы (г. Минск, Беларусь)

В статье рассматриваются терминологические и идеологические особенности фрагментов Галицкого летописного текста, затрагивающих религиозную тематику и иллюстрирующих отношение летописца к языческим народам и христианам латинского обряда.

Исследователи древнерусских рукописных памятников давно обратили внимание на тот факт, что риторика Галицко-Волынской летописи значительно разнится по мере повествования [1, с. 30-33]. В современной историографии установилось мнение что данная летопись не является монолитным произведением. Она представляет собой компиляцию из текстов различных авторов разных исторических периодов [3, с. 289]. А.Н. Ужанков выделяет в составе Галицко-Волынской летописи отдельный крупный компонент, составленный двумя авторами: «Жизнеописание Даниила Галицкого» [3, с. 307].

Обратимся к особенностям конфессиональной риторики авторов «Жизнеописания». Это позволит пролить свет на ментальные установки средневековых клириков, приближенных к князю Даниилу Романовичу, в чью сферу влияния в XIII веке входили юго-западные белорусские земли.

Начнем с первой части летописного текста. Прежде всего проанализируем отношение автора к языческим соседям Древней Руси. Автор демонстрирует изрядную осведомленность относительно положения дел в Литве. Он называет по именам литовских князей и воевод, описывает специфику их политических альянсов и иерархию вассальной подчиненности, повествует о сражениях литовцев с Польшей [2, стб. 735]. Однако, обращаясь к динамике русско-литовских взаимоотношений на протяжении 1201 – 1246 гг. летописец ни разу не упоминает конфессиональную принадлежность этого народа. Его интересуют прежде всего политические вопросы.

Аналогично автор абсолютно не обращает внимания на религиозную принадлежность ятвягов, которые до 1246 г. множество раз упоминаются в тексте: описываются их сражения с польскими князьями, набеги на Берестье и Владимирские земли и т.д.

В целом, если опустить краткое введение, появившееся при последующей редакции летописи, то с 1201 г. по 1246 г. слово «язычники» употребляется в тексте лишь один раз. Автор цитирует волынского воеводу Мирослава: «Изиидемь на поганьъ половць!» [2, стб. 773]. В прочих местах повествования языческая принадлежность половцев также игнорируется.

В 1224 г. автор отмечает событие, невероятно поразившее его современников: «Приде неслыханая рать, безбожнии моавитяне, рекомьи татаръве» [2, стб. 740]. Далее по тексту иначе как «безбожными» татары не называются. Вероятно, автор не уверен почитают ли татары богов, т. е. можно ли называть их язычниками.

Конфессиональную принадлежность поляков, венгров и немцев автор также игнорирует. При этом стоит отметить, что XIII век – весьма важная веха в конфессиональной истории Восточной Европы. Это время активизации политики папской курии в отношении древнерусских земель. В этот период прослеживаются тенденции как у унии, так и к активной конфронтации между Западной и Восточной церквями. Очевидно автор не был включен ни в антилатинскую полемику ни в униальную политику. Например, когда он говорит о битве с крестоносцами за Дорогичин, его интересуют в первую очередь земельные приобретения Даниила Романовича, нежели конфессиональные аспекты [2, стб. 776].

Таким образом, составитель первой части жизнеописания Даниила не интересуется религиозным разнообразием иноплемеников, а отдаёт предпочтение вопросам внешней политики и прославлению военной доблести князя.

Конфессиональная риторика летописи резко меняется в 1246 г. Начиная с этой даты автор начинает акцентировать внимание на религиозной принадлежности действующих лиц повествования. Теперь все сражения с ятвягами и литовцами представлены как противостояние христиан и язычников. Объёмный список побед над язычниками, летописец оканчивает словами: «и во иная времена Божию милостью избьени быша погании, ихже не хотѣхомъ писати от множества ради [2, стб. 800].

Можно заметить, что автор с большим интересом относится к религиозности языческих народов. В тексте летописи он описывает литовский пантеон, иллюстрирует особенности культа [2, стб. 817].

В этой части летописи даётся также краткая характеристика религиозности «безбожных» татар. Автор сообщает что они кудесничают и занимаются волъжбой (магией), поклоняются мертвым душам в аду. Также неоднократно подчеркивается их беснование и служение дьяволу. Батый в нескольких местах называется Зверем. В общем контексте повествования это наименование может быть понято как «Зверь Апокалипсиса». Автор второй части летописи так же не уверен корректно ли применять дефиницию «язычники» по отношению к татарам. Для него очевидно лишь то, что татарское сатанинское нашествие Бог попустил за грехи христиан, и ожидает что они покаяться [2, стб. 745].

Стоит также обратить внимание на отношение автора этой части летописи к христианам латинского обряда. Прежде всего, можно отметить, что летописец не только не включён в антилатинскую полемику, но, судя по всему, даже не склонен разделять христианскую церковь на два лагеря. С одинаковым пиететом он относится к духовенству, входящему епископии как латинского, так и восточного обрядов. Из текста явствует, что автор неплохо осведомлен о деятельности латинских монашеских орденов и Рижского епископа. Небезызвестны ему и литургические особенности латинского богослужения, в частности использование греческого песнопения «Κύριε ἐλέησον» [2, стб. 803].

Автор расстроен тем фактом, что Ливонскому ордену до сих пор не удалось христианизировать Литву. Он обвиняет в этом магистра Андреаса фон Вельвена [2, стб. 816]. Известно летописцу и о притворном крещении Миндовга [2, стб. 817].

Руке этого же автора вероятно принадлежит агиографическая вставка в самом начале летописи, повествующая о житии латинской святой Елизаветы Венгерской, явно диссонирующая с общим нарративом первой части повествования.

И всё же из текста явствует, что летописец знает о существовании антилатинских и антигреческих настроений в среде духовенства, однако надеется на скорое примирение, ведь римский папа Иннокентий «кльняше тѣхъ хулящимъ вѣру грѣцкую правовѣрную, и хотящу ему сборъ творити о правой вѣрѣ, о воединении церквы» [2, стб. 827]. Из данного пассажа можно сделать вывод, что автор второй части летописи принадлежал к проуниальной партии духовенства.

Таким образом, мы приходим к заключению, что «Жизнеописание Даниила Галицкого» состоит из двух основных компонентов. Автор первой части повествования оставляет в стороне конфессиональную проблематику. Автор же второй части с большим интересом относится к религиозному разнообразию соседних народов. Он терминологически различает религию «безбожных татар» и верования прочих язычников. Описывает особенности их культа. Автору известно о существующей полемике между латинской и восточной церквями, однако он предпочитает не акцентировать внимание на разногласиях, а продолжает воспринимать христианство единым и ожидает, что скоро состоится примиряющий церковный собор.

Литература

1. Котляр, Н.Ф. Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование / сост. Н.Ф. Котляр, В.Ю. Франчук, А.Г. Плахонин. – СПб. : Алетейя, 2005. – 421 с.
2. Полное собрание русских летописей. – Т. 2: Ипатьевская летопись – СПб. : Типография М.А. Александрова, 1908. – 573 с.
3. Ужанков, А.Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII вв. / А.Н. Ужанков. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 440 с.